

ДАТА | 27 января — день полного освобождения советскими войсками Ленинграда от блокады

ГАЛИНА КАУКИНА

Даже сегодня вся правда о Ленинградской блокаде неизвестна. В прессе появлялись статьи о героизме людей, которые в жесточайших условиях осаждённого города жили и боролись за победу. Однако многие материалы до сих пор засекречены, а реальность тех дней ужасала настолько, что не все, кто выжил, могут рассказать о своих страданиях.

Начало

Я со старшей сестрой Зоей, которая была зачислена в отряд местной противовоздушной обороны, и вместе с другими подростками дежурила на крыше дома. В этот день, 8 сентября, бесконечно объявляли воздушную тревогу — немцы бомбили город без перерыва. Стояли пламя, дым и чад, горели Бадаевские склады с продовольствием. Была разрушена водонапорная башня, многие фабрики, заводы, инженерные коммуникации и электростанции. Всё взрослое население работало на строительстве обо-

Самое смертное время

ронительных сооружений. Подростки и дети разносили песок на чердаки домов для тушения зажигательных бомб. Собирали бутылки под коктейль Молотова, которым солдаты поджигали немецкие танки.

Отец наш Иван Тарасович Гумённый погиб в начале войны на Ленинградском фронте. Семья многодетная: мама и четыре девочки — мал мала меньше. Работали на дому: плели сети, которыми маскировали военные объекты. Во время бомбёжки и обстрелов спускались в бомбоубежище. Однажды при очередном налёте до укрытия добраться не удалось, и потому спаслись — дом был разрушен, а люди в бомбоубежище оказались погребены заживо.

Зима 1941–1942 годов

Самое смертное время. Не стало продовольствия и света, нечем было отапливать квартиры. Стоял небывалый мороз — минус 30 градусов по Цельсию. Люди понимали, что обречены. Мы не просили хлеба — знали, что его нет. У каждого дистрофия: не можешь ходить и даже встать с кровати, отёки, впалые глазницы... Дети были похожи на маленьких старичков. У многих дизентерия, кровавый понос, выпадение прямой кишки. Моя маленькая сестричка умирала от голода. Спаслась чудом, но долго ещё не могла ходить и разговаривать.

Когда началась эвакуация, детей отправляли отдельно от родителей. Никто не знал, надолго ли расстанутся и встретятся ли вновь. Тяжким было это расставание — на месте отправки стоял истошный крик и плач. Один из эшелонов с деть-

Семья ГУМЁННЫХ, 1941 год, (нижний ряд, справа — Галина Каукина)

Начало зимы 1941 года

Эвакуация, лето 1942 года

Стройотряд

Девочка, истощённая от голода, в ленинградской больнице

Галина КАУКИНА, 1964 год

ми был разбит на станции Тихвин. С этим эшелонам должна была ехать и я, но мы с мамой опоздали на отправку. Осенью я записалась в первый класс. Не помню, почему не пошла в школу, но в тот день её разрушили дальнобойным снарядом. Многие дети погибли под обломками.

Сентябрь 1942 года

Пришла повестка собраться в 24 часа для выезда из города. Срочность и строгость предписания объяснялись тем, что на тот момент папа пропал без вести. Предполагалось, что сдался в плен. С собой нам разрешили взять только одежду. Мы, младшие, сами идти не могли, и нас на тележке дворника везли до вокзала. Ехали ночью по узкоколейной дачной дороге. На одной из остановок раздался зычный голос: «Мертвяки есть?» Перед переправой через озеро сказали, что на Ладоге спокойно.

Стоял чудесный осенний день, на небе ни облачка. Нас разместили на барже, которую тянул катер, а на небольшом белом пароходике переправляли детей. Рядом шёл стороже-

вой крейсер. Внезапно появились немецкие бомбардировщики — на бреющем полёте стали бросать бомбы. Столбы воды заливали палубу. Пожитки смыло за борт. Люди молча ждали своей участи. Голодные, привыкшие к бомбёжкам, они не боялись смерти, ведь она была избавлением от мук. Когда закончился налёт, в ужасе увидели тонущий пароход с детьми. Трудно описать словами, что творилось на нашей барже...

Однажды по телевизору показали немецкого лётчика — участника бомбёжек на Ладоге. Его спросили, почему топили мирные суда. Он ответил: «В трюмах перевозили на Большую землю боеприпасы, изготовленные в блокадном городе».

На другом берегу выдали пищевой паёк — настоящий белый хлеб и сгущёнку. По рупору объявили: «Ленинградцы, не ешьте много! Для вас это смертельно!» Немец и здесь не оставил нас в покое. Опять

налёт, бомбёжка. Спрятаться было негде, люди разбежались в разные стороны, теряли свои вещи и драгоценный паёк. Потом нас посадили в товарные вагоны, предназначенные для перевозки скота, — впереди была долгая и мучительная дорога в Сибирь. Светлым пятном этого нелегкого путешествия стала помывка на железнодорожной станции Челябинска: нас запустили в баню. Мальчиков и девочек, женщин и стариков — всех вместе, но пропарка одежды и избавление от насекомых принесли несказанное удовольствие.

Сначала мы и ещё несколько семей попали в колхоз Ильинский Кузедеевского района. Жить, работать и учиться

было негде. Начались сильные морозы, и нас на конных санях перевезли на Тельбесский рудник. Единственную шахту там разрушили. В школе одна учительница на несколько классов. Тёплой одежды не было, и зимой в школу я не ходила.

После войны

Пошла сразу в третий класс, практически не умея писать и читать. Старшую сестру Зою мобилизовали работать на заводе в городе Прокопьевск. Мы просились домой, но нам отвечали, что родина везде одна. Наконец разрешили выезд в Павловск, и после долгих мытарств, наконец, добрались до Ленинграда. Нашу комнату никто не занял, но жить в ней было почти невозможно: выбиты стёкла, оконные проёмы забиты фанерой, обои ободраны, разбит паркет, кругом пустота — лишь мусор и грязь. С трудом прописались и начали всё с нуля. А возвращающихся из эвакуации блокадников, у кого отцы не были на фронте или пропали без вести, не прописывали в их же квартирах.

Не всех детей, осиротевших в войну и вывезенных в города Урала и Сибири, вернули назад. О себе они знали только одно — что родом из блокадного Ленинграда.

От Зои приходили письма, которые без слёз не читали. Её не отпускали с завода до 1950 года. Когда она вернулась домой, прописать её к нам отказались. Сестра скиталась по служебным комнатам, работала дворником. Умерла Зоя в 1975-м, так и не получив собственного жилья. «За что? Почему?» — об этом она никогда не спрашивала.

Мамочка наша Лина Васильевна — мужественная и стойкая женщина. Как бы тяжело ни было, она не плакала, не жаловалась на судьбу. Несмотря на все её старания, мы ещё долго после войны нищенствовали и недоедали. Все сёстры начали работать с 16 лет, а я поступила в техникум на дневное отделение. На каникулах работала разнорабочей на расчистке разрушенных зданий. Выяснилось, что отец погиб, а не сдался в плен. Теперь его имя занесено в электронную книгу памяти в Мемориале победы на Московском проспекте Санкт-Петербурга. Из многочисленной родни по отцовской линии — пятеро братьев, их жёны и дети — конца блокады никто не увидел.

Тяжкие испытания закаляли нас, научили ценить каждый прожитый день, терпеливо и стойко переносить беды и невзгоды.

27 января исполнится 70 лет со дня полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Это святой праздник с печалью в сердце. В этот день мы поминем тех, кого потеряли, чьи жизни трагически оборвались в блокадном аду.

Тяжкие испытания научили ценить каждый прожитый день, терпеливо переносить невзгоды

Досье «ММ»

После окончания Ленинградского железнодорожного техникума в 1954 году по путёвке Министерства чёрной металлургии СССР Галина Каукина приехала в Магнитогорск. Трудовую деятельность начала на должности диспетчера в ЖДТ ММК. Спустя десять лет с рождением сына перешла в «Управление трамвая» инженером-технологом и до выхода на пенсию в 1989 году совмещала работу с преподавательской деятельностью. Несколько раз была удостоена звания лучшего преподавателя профессионального технического обучения. Своим особым достижением на профессиональном поприще Галина Каукина считает участие в освоении нового подвижного состава — вагонов КТМ-5М3, которые и сегодня колесят по Магнитогорску. Сожалеет, что незадолго до смерти забыла почётное звание «Ветеран Магнитки». Ведь его присуждали за многолетнюю и безупречную работу на предприятиях и учреждениях Магнитогорска, самоотверженный труд, большой вклад в строительство и развитие города, активное участие в общественной жизни — среди старшего поколения очень многие способны похвастаться такими достижениями. А самое большое счастье для Галины Ивановны — это её семья: муж, с которым прожила уже 59 лет, сын, двое внуков и двое правнуков.